
Пламя распространялось быстро. Быстрее, чем она могла себе представить. Вот уже оранжевые языки принялись облизывать крышу большого дома. Изо всех окон и дверей клубами валит черный дым. Она бежит, поскользываясь, оставляя следы на влажной от росы траве. Рядом бегут собаки, пушистые лающие облака. Они знают — что-то случилось, но не могут понять, насколько все плохо. Она и сама еще не вполне это понимает. Она чувствует запах — тяжелый, удушливый — и представляет себе, что творится внутри дома. Дым, жар, ужас. Выхода нет.

Она добегает до вершины холма, замечает вдали чуть поблескивающее море. Его темная поверхность серебрится в лунном свете. Она останавливается. Теперь видно, что выбраться из дома невозможно. В ее груди нарастает чувство. Это облегчение? Или, скорее, возбуждение, смешанное со страхом? Оно вспыхнуло, будто спичка. Нужно бежать к ближайшему дому, кричать, чтобы вызвали пожарных, выдавить из себя объяснение ночной прогулки с собаками — бессонница... Ужасное чувство вины от того, что оказалась в безопасности. И тогда все закончится. Но она стоит на месте в ожидании следующего мига, словно вкопанная. И видит то, что останется в ее памяти навсегда — бледное лицо в высоком окне. В окне комнаты Себби.

Ему удалось чуть приоткрыть раму, хотя он едва может дотянуться до щеколды, и она слышит его крик, который доносит дыхание пламени. Ей никогда не забыть этого. Перепуганный голос, выкрикивающий ее имя.

— *Помоги! Помоги!*

Не раздумывая, она бросается навстречу пламени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нора

Когда я впервые увидела ее, меня поразила ее печальный вид. Удивительно, если учесть мое собственное положение. С чего ей-то быть такой грустной? Если кому и стоило грустить, так это мне, въезжавшей в крошечный, кишасший пауками домишко, такой тесный, что собственную мебель пришлось отправить на склад. Не стало денег, не стало особеняка. Не стало ничего.

Это случилось в еще теплый октябрьский день, когда я впервые приехала осмотреть дом. Агент, молодой человек по имени Гэвин, от которого разлило лосьоном после бритья, предложил подвезти меня на своем небольшом «фиате». Он успел утомить меня, нахваливая дом. Когда в очередной раз зашла речь о спокойном и тихом месте, прекрасно подходящем для уединенной жизни, так и захотелось сказать ему, что я уже решила снять этот дом. Домик вместе с двумя другими стоял на узкой деревенской дороге в нескольких милях от шоссе М25. Ближайший город — Севеноукс, но до него было не близко. На несколько миль вокруг больше нет ничего, ни единого здания. Когда-то в этих домишках жила прислуга большой усадьбы, развалины которой виднелись за полями. Полузаброшенный дом, носивший название «Остролист», был пуст. «Плющ» собиралась снять я. Она жила в «Иве».

— У вас будут соседи, — бодро сообщил Гэвин. — Милая молодая пара. Они купили дом... э... где-то полгода назад.

Я ничего не ответила. Полагала, что еще не готова к встрече с ними. После всего произошедшего торопиться не стоило. Но, надо признать, мне стало любопытно, и я внимательно оглядела их дом, когда мы проезжали мимо. По тому, как выглядел сад, сразу было ясно, что они — горожане. Выбор растений совершенно неудачный: нежные цветы, которым не пережить первых заморозков, какая-то облепленная пирующими слизнями зелень в неуклюжих мешках-горшках.

Гэвин ехал по узкой сельской дороге слишком быстро, но я успела заметить движение в окне и обратить внимание на стоявшую в нем женщину, которая пыталась рассмотреть нас, прикрыв глаза от солнца. Взгляд ее был странным, каким-то голодным. Нестественно ярко-красные, словно пожарная машина, волосы и белое лицо.

— Это жена владельца, — сказал Гэвин. — Переехали из Лондона. Подальше от суеты, в общем. Всё здесь переделали — хитрая сигнализация, полы с подогревом.

В этот момент мне стало ее жаль. Возможно, дело было в том, что беглецы из города понятия не имели, что значит жить в деревне. День за днем, по-настоящему. Возможно, это было из-за ее то скливого и печального, даже испуганного вида. А может, все дело было в том взгляде, которым она провожала меня, когда я вышла из «фиата» и направилась по узкой заросшей дорожке к «Плющу». Словно ей отчаянно хотелось поговорить хотя бы с кем-нибудь. Я подумала, не помахать ли ей рукой или еще как-то поприветствовать, но не решилась. Для этого еще будет время.

Внутри «Плюща» было сыро и темно, дом уже много лет не знал ремонта. Ванная была старомодно покрашена лаймово-зеленой краской, а в трещину в кухонном окне протянуло стебель ползучее растение. Это жилище во всех отношениях оказалось хуже того, где я провела последние десять лет. Но остаться там я не могла, поэтому нужно было решиться.

— Я беру этот дом, — сказала я и заметила промелькнувшую на лице Гэвина легкую тень радости и удивления, которые он попытался скрыть.

В тот день я с ней так и не поговорила, но уже тогда предполагала, что вскоре нам предстоит познакомиться довольно близко.

Спустя две недели я приехала сюда с фургоном вещей. Дни подготовки к переезду выдались беспокойными. Все упаковать, найти склад для хранения — это было недешево, но я и помыслить не могла о том, чтобы расстаться со всеми этими прекрасными вещами. Нужно было нанять грузчиков, купить коробки, все сложить, переадресовать почту, расторгнуть договоры на коммунальные услуги. На это ушло много сил, и я потратила последние деньги. Я все еще не могла примириться с тем, что теперь придется думать о каждом центре, а не просто, доставая карточку, запускать руку в денежную реку, когда-то казавшуюся неисчерпаемой.

Настал день, и я закрыла дверь дома — моего прекрасного дома — на замок и бросила ключ в щель для почты. И мне ужасно захотелось выбить эту

отличную дверь и снова его забрать. Я представила себе, как сюда въезжают люди, как они обходят пустые комнаты с белыми стенами и деревянными полами, наполняя их шумом, цветом, жизнью. Скорее всего, такой большой дом продадут семье с детьми... При этой мысли сердце знакомо дрогнуло — две комнаты на верхнем этаже, условно считавшиеся запасными спальнями или кабинетами, так никогда и не стали детскими.

С этим ничего нельзя было поделать. Но мне всего сорок два — шанс еще есть. Этим и приходилось утешаться.

За всеми этими занятиями у меня не было времени думать о ней, о красноволосой женщине, которая станет моей соседкой. Только когда фургон вырулил на узкую улочку и с трудом двинулся по ней, время от времени застревая под нависшими ветвями, я вспомнила о той женщине. Скоро я с ней увижусь. Может быть, даже сегодня.

Сьюзи

Услышав шум подъезжающего фургона, я вскочила с дивана, на котором сидела, съежившись среди салфеток и полупустых чайных чашек. Едва ли кто-нибудь из знакомых смог бы меня сейчас узнать. Я то была подавлена отупляющим чувством отчаяния, то металась в ужасе по гостиной, не в силах усидеть на месте, обдумывая планы бегства. Как отсюда выбраться? Куда поехать? Всякий раз, когда звонил телефон или гудел мобильник, сердце вздрагивало. Я чувствовала, как оно бьется в моей груди, разгоняя по венам адреналин. Если бы кто-нибудь знал, в каком я сейчас состоянии, он бы сказал: *«Как ты могла такое допустить? Как ты могла быть такой дурой?»* Мне и самой случалось это говорить — раньше, пока я сама не оказалась в ситуации, из которой нет выхода.

Поэтому, едва заслышав фургон, я вскочила. В голове сразу стали роиться оправдания: *«Это неправда. Я не хотела. Мне очень жаль»*. На шум, скребя когтями по каменному полу, с дурацким лаем к двери бросился Поппет. Машины сюда почти не заезжали. Молока мы не покупали, а большую часть почты Ник получал на рабочий адрес. Я решила, что он вернулся с работы пораньше, а я еще не одета и даже не начинала готовить ужин. Что он скажет? Или это что-то другое. *«Она?..»* Нет, это оказался мебельный фургон, и я вспомнила, как несколько

недель назад мимо проезжал агент по недвижимости — показывал кому-то соседний дом. Мне и в голову не приходило, что кто-то в него въедет. Дюжий грузчик помог выйти из такси пассажирке — женщине лет сорока с небольшим в жилете и очень уместно смотревшихся в деревне высоких зеленых сапогах. Волосы у нее были длинные и темные, с проседью на макушке. Косметикой, как мне удалось рассмотреть даже отсюда, она пренебрегла, как и я. Наверное, она тоже решила, что здесь нас все равно никто не увидит.

До переезда я чувствовала себя просто измочаленной. И в глубине души радовалась возможности бросить работу и позабыть все, что было связано с Дэмьеном, — да и сам Лондон заодно. Первые несколько недель пролетели словно небольшой отпуск. Просыпаясь под сводами сельского дома под пение птиц за окном, я надевала резиновые сапоги, стеганую куртку и шарф-снуд, который мама Ника подарила мне на Рождество — вспомнив об этом, я подумала, что она о чем-то догадывалась. Может, о нашем предстоящем переезде знали все, кроме меня? Ожидая возвращения мужа, я усердно трудилась: занималась готовкой, уборкой или спорила с рабочими, перед которыми стояла задача превратить рассыпающуюся лачугу в современный загородный особняк с винным погребом, студией и музыкальной комнатой для гитар Ника, грифы которых давно покрылись пылью. Я могла со спокойной совестью говорить подругам, что занята. Просто богиня ремонта, прямо как Сара Бини из телевизора.

«*Меня аж завидки берут*», — отстучала мне сообщение Клодия, сидя на заднем сиденье такси. Когда я представила, как она мчится в какой-нибудь модный ресторан, где у нее примут стильное и совершенно непрактичное пальто и предложат приветственный напиток, меня охватили такие «завидки», что во рту появился привкус желчи. Но если признаться подругам, что ты несчастна, то придется признаться в этом и самой себе.

Теперь все изменилось. Каждое утро, когда Ник уезжает на работу и улыбка любящей жены исчезает с моих губ, я позволяю себе думать обо всем, что выпихиваю из головы, когда он дома. Я вытаскиваю из-под кровати джемпер. Я его так и не постирала — слава богу, что не постирала! Я смотрю в зеркало на себя, на свое лживое голое тело — *как можно быть такой душой?!* — и натягиваю джемпер через голову. На секунду мне становится так сладко и больно, что я готова разорваться. Я снова окружена тобой. Чаще всего я молюсь, надеясь изменить прошлое, вернуть все, как было раньше, — безотчетно, не зная кому или чему. *«Пожалуйста, позволь мне обернуть время вспять. Дай мне еще один шанс».*

В то утро появление фургона вырвало меня из этого состояния, заставило честно взглянуть на себя со стороны, признать, какой жалкой я стала, какой запущенной. Я утерла сопли и слезы и вдруг осознала, что стою посреди комнаты в твоём старом джемпере. Даже душ не приняла. Меня охватил стыд — чувство, ставшее очень знакомым за последнее время. Что бы сказал Ник, увидев меня?

Что бы сказал ты, если уж на то пошло? Я решила, что нужно привести себя в порядок и познакомиться с новой соседкой.

Так я впервые встретила ее. Меня колотило от ужаса, хотя никто и ничто мне не угрожало. С тех пор, как тебя не стало, мне временами бывало так страшно! И сердце колотилось в груди, словно какая-то жуткая птица.